

УДК 343.341

В.П. ЕМЕЛЬЯНОВ, докт. юрид. наук, проф., Харьковский национальный университет внутренних дел

М.Н. ИМАНЛЫ, докт. юрид. наук, проф., Бакинский государственный университет

ОБЪЕКТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Ключевые слова: террор, террористический акт, объекты преступления

Объекты преступлений в уголовно-правовой литературе обычно классифицируются по двум основаниям: в зависимости от степени обобщенности – по «вертикали» (общий, родовой и непосредственный) и в зависимости от важности непосредственного объекта – по «горизонтали» (основной, дополнительный обязательный, дополнительный факультативный).

В основу данной классификации положена структура уголовного законодательства, в связи с чем требуется некоторое уточнение в том плане, что именно здесь подвергнуто классификации – объекты преступлений или признаки объектов, сформулированные в конструкциях составов, реальные явления действительности или их информационные модели.

Впервые подвергнув критике трехступенную систему деления объектов по «вертикали», Б.С. Никифоров обратил внимание на то, что «предполагаемое в литературе трехступенное деление объектов, претендующее на универсальность, в действительности целиком применимо только к немногим преступлениям... Применительно к другим составам нередко указывается только два объекта – общий, который предполагается, и другой – то ли «специальный», то ли «непосредствен-

ный», то ли «специальный» и «непосредственный» одновременно» [1, с.108–109]. Из приведенного высказывания Б.С. Никифорова можно сделать два таких вывода: 1) общий и родовой объекты имеют значение лишь применительно к составам преступлений, существующим в действующем уголовном законодательстве; 2) реальный из всех объектов один – непосредственный, остальные лишь предполагаются.

Тем более, это проявляется вследствие отказа в ряде вновь принятых уголовных кодексах постсоветских государств от так называемой «линейной» системы построения Особенной части УК и подразделения ее не на главы и статьи, а на разделы, главы и статьи. Согласно этим кодексам многие из понятий, которые традиционно относились к родовым объектам, вдруг перестали быть таковыми, а трехступенное деление объектов было вытеснено четырехступенным, а то и пятиступенным делением, в зависимости от конструкции соответствующего раздела Особенной части Уголовного кодекса, и теперь то, что считалось ранее родовым объектом, может выступать либо в виде включающего в себя ряд родовых объектов – интегрированного (надгруппового, сложного, составного) либо в качестве видového как части родового объекта, и наоборот, то, что ранее считалось видовым объектом может расцениваться как родовой. Причем зачастую определение признаков родового объекта носит субъективный и противоречивый характер, поэтому в уголовном законодательстве одни и те же составы преступлений в разные периоды развития государства находятся в различных главах (разделах) Уголовного кодекса либо неодинаково размещаются по главам (разделам) УК в различных государствах, либо вызывают серьезные разногласия в науке относительно правильности их размещения в той или иной главе (разделе) УК, чем демонстрируется зависимость категории «родовой объект» не столько от объективных реалий, сколько от уровня и специфики обобщенности признаков этих реалий.

Указанное свидетельствует о том, что такие категории, как общий, родовой и видовой объекты в отличие от непосредственного объекта в реальной действительности не существуют. Они есть обобщающие понятия, входящие структурно в такие же абстрактные категории, как общее, родовое, видовое понятие состава (общий, родовой, видовой состав) и относятся не к категории «преступление» как явлению реальной действительности, а к категории «состав преступления» как научной абстракции. Поэтому было бы точнее говорить не об общем, родовом и видовом объекте, а о признаках объекта в видовом, родовом и общем составе преступления.

Непосредственный объект преступления существует как бы в двух ипостасях – как явление реальной действительности, в отношении которого направлено преступное деяние и которое служит «мишенью» для виновного, и как совокупность признаков конкретного состава преступления, сформулированного в статье уголовного закона.

При совершении преступления виновное лицо может посягать на два и более непосредственных объекта и тогда в соответствии с уголовным законом возникают такие ситуации. Если признаки каждого из этих объектов содержатся в отдельных составах, то и квалификация деяния осуществляется по совокупности составов преступлений. Если же признаки нескольких объектов содержатся в одном сложном составе, и деяние полностью этим составом охватывается, то квалификация будет осуществляться по сложному составу, а преступление расцениваться как сложное. В этом случае один из объектов будет считаться основным, остальные – дополнительными. Основным будет тот, который счел таковым законодатель, хотя в реальной действительности иерархия объектов может быть совсем иной.

Подобные составы в науке называют обычно учтенной законом совокупностью и, конечно, от воли законодателя во многом зависит, что «учесть» в этом едином составе и какой объект считать основным, а какой до-

полнительным, поэтому и классификацию объектов по «горизонтали» также следует относить к категории «состав преступления», а не к категории «преступление».

В сущности такой учтенной законом совокупностью являются и составы терроризма (террористического акта), содержащие признаки соответствующих многообъектных (полиобъектных) деяний. Всякий акт терроризма посягает одновременно на различные охраняемые законом сферы жизнедеятельности людей, и в зависимости от того, в охране каких сфер у законодателя имеется наибольшая заинтересованность – определяются признаки основного объекта в составе преступления, террористической направленности. Вопрос же о том, какой объект считать основным, а соответственно и определяющим родовую принадлежность состава, является далеко не бесспорным и по-разному решается в уголовном законодательстве различных государств. Так, УК Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Литовской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана, Украины относят терроризм (террористический акт) к преступлениям против общественной безопасности, УК Грузии, Латвийской Республики, Эстонской Республики – к преступлениям против государства, УК Республики Узбекистан – к преступлениям против мира и безопасности человечества. В УК Республики Беларусь, который содержит три состава терроризма, они уже расположены в различных главах, в частности, в Главе 17 «Преступления против мира и безопасности человечества» находится ст.126 (международный терроризм), а в Главе 27 «Преступление против общественной безопасности» – ст.289 (терроризм) и ст.290 (угроза совершением акта терроризма).

Как видно, той сферой, которой, по мнению законодателя, причиняется наибольший вред актами терроризма, чаще всего признается общественная безопасность, однако, исходя из обстоятельств самого деяния, совер-

шаемого в реальной действительности, нарушение общественной безопасности выступает для террористов хотя и первоочередным, но фактически не основным, а вспомогательным действием, способом посягательства на другой объект в сложном преступлении. «Признак двойственного характера объекта посягательства в терроризме (непосредственным являются отдельные граждане или материальные объекты, конечным – элементы конституционного строя, порядок управления, общественные институты), – замечает В.Е. Петрищев, – на наш взгляд, очень важен, ибо он позволяет четко дифференцировать социально-политические и правовые оценки проявлений действительно террористических и весьма схожих с ними по объективной стороне общеуголовных составов преступлений» [2, с.89–90]. В связи с этим В.Ф. Антипенко обращает внимание на следующее: «Общественная безопасность не может быть основным объектом терроризма... Запугивание при терроризме выступает не самоцелью, а средством достижения цели оказания влияния на основной объект, чем реализуется понуждение соответствующих лиц к выгодным для террористов решениям. Основным же объектом террористов являются национальные и наднациональные институты (в их различных вариантах), посягая, на которые посредством воздействия на непосредственный объект, виновные лица достигают или стремятся достигнуть главной цели нарушения их неприкосновенности» [3, с.93].

Терроризм относится к такой категории сложных преступлений, в которых посягательство на один объект (общественную безопасность) служит способом причинения вреда другому объекту – основному. А в таких случаях, как отмечает Н.И. Панов, «способ является дополнительным, вспомогательным действием, обеспечивающим осуществление основного действия, образуя с ним разновидность сложного действия. Из этого вытекает, что способ в сложном действии представляет собой элемент структуры, т.е. часть сложного действия, и в пределах последнего выполняет

свойственную ему функцию – обеспечение исполнения основного действия, с которым он внутренне связан, образует с ним неразрывное единство» [4, с.96].

Получается, что вопреки канонам уголовно-правовой науки при отнесении терроризма (террористического акта) к преступлениям против общественной безопасности законодатель наделяет фактически дополнительный объект, посягательство на который служит способом посягательства на какой-то основной, признаками основного объекта.

Однако, как ни парадоксально это на первый взгляд выглядит, но при всей, так сказать, научной неправоте, законодатель в данном случае совершенно прав. Если даже принять за основу, что здесь ведущее значение придано тому деянию, которое выступает лишь способом посягательства на основной объект, то при такой ситуации, когда в качестве основного объекта выступают в бесконечном множестве различные «национальные и наднациональные институты» и т.д. способ посягательства на них посредством нарушения общественной безопасности есть единственное общее свойство данных преступлений, которое возможно «вынести за скобки» и сформулировать самостоятельный состав преступления [5, с.191].

Такой вариант конструирования уголовно-правовой нормы вполне допустим как с позиции науки, так и с позиции законодательной техники, поскольку при определении признаков объекта учитывается не только то, на что реально посягает конкретное преступное деяние, но и другие элементы преступления. «Опасность деяния, – указывал Н.Д. Дурманов, – определяется не только важностью объекта посягательства, но также, в ряде случаев, способом действия, тяжестью причиненного вреда, характером вины и мотивов, обстановкой совершения деяния» [6, с.132].

Таким образом, законодательная техника в данном случае вынуждает поменять местами основной и дополнительный объекты терроризма при определении их признаков в соответствующем составе преступления. Однако

при осуществлении подобной «рокировки» важно стремиться к тому, чтобы не придать самодовлеющего значения фактически дополнительному объекту – общественной безопасности – и не упустить из виду фактически основные объекты, в целях посягательств на которые и осуществляются террористами общеопасные действия.

Такого рода упущения демонстрируют, например, составы терроризма (террористического акта), предусмотренные ст.214 УК Азербайджанской Республики и ст.258 УК Украины, согласно которым общественная безопасность может оказаться вообще единственным объектом этого преступления, поскольку фактически основные объекты предусматриваются лишь в факультативном порядке.

В частности, диспозиция ст.214 УК Азербайджанской Республики сформирована следующим образом: «Терроризм, то есть совершение взрывов, пожаров или других действий, представляющих угрозу гибели людей, нанесения ущерба их здоровью, причинения значительного имущественного ущерба или других общественно опасных последствий, с целью нарушения общественной безопасности, сеяния паники среди населения или оказания воздействия на принятие решения органами государственной власти или международными организациями, а также угроза совершения подобных действий с той же целью».

Конструктивно практически идентичной представляется и диспозиция ст.258 УК Украины, которая имеет такое содержание: «Террористический акт, то есть применение оружия, совершение взрыва, поджога либо иных действий, создающих опасность для жизни или здоровья человека или причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, если такие действия были совершены с целью нарушения общественной безопасности, устрашения населения, провокации военного конфликта, международного осложнения, или в целях воздействия на принятие решений либо совершение или несовершение действий органами государственной власти или органами

местного самоуправления, должностными лицами этих органов, объединениями граждан, юридическими лицами, либо привлечение внимания общественности к определенным политическим, религиозным либо иным взглядам виновного (террориста), а также угроза совершения указанных действий с той же целью».

Основной недостаток указанных составов преступлений состоит в том, что здесь такие признаки как «устрашение населения» и «оказание воздействия» предусматриваются не во взаимосвязи и взаимообусловленности, а в альтернативном порядке. Из содержания составов, предусмотренных ст.214 УК Азербайджанской Республики и ст.258 УК Украины, выходит, что возможен терроризм с устрашением населения, но без оказания воздействия на кого-либо или же с воздействием на кого-либо, но без устрашения населения. Такая конструкция состава терроризма (террористического акта) не соответствует сути терроризма и научным представлениям о терроризме, а также порождает противоречия в законодательстве, поскольку под признаки такого состава может подпадать много других насильственных преступлений. Кроме того, при таком подходе к конструированию состава терроризма (террористического акта) не только упускаются признаки фактически основного объекта, но и порождается несоответствие признаков состава тем составом, которые содержат в качестве обязательных признаки деяний с элементами терроризирования, т.е. тех деяний, в которых насилие или угроза совершения насилия либо иных действий служит не самоцелью, а средством понуждения к какому-либо решению или отказу от него, и составы которых имеют признаки двух обязательных объектов – основного и дополнительного, а во многих случаях также дополнительного факультативного (вымогательство, захват заложника, терроризирование в исправительных учреждениях осужденных и т.д.). Поэтому терроризм (террористический акт), будучи ядром преступлений с признаками терроризирования, должен быть максимально

приближен по конструкции своего состава к родственным составам. И одним из этапов в этом направлении должно быть определенное «усложнение» признаков объекта в составе терроризма (террористического акта) и формулирование его как сложного состава с признаками двух обязательных (основного и дополнительного) и дополнительных факультативных объектов.

В качестве признаков дополнительного обязательного объекта состава терроризма (террористического акта) следует предусмотреть деятельность органа государственной власти, международной организации, а также физического или юридического лица или группы лиц. Признаками дополнительного факультативного объекта в этом составе преступления могут выступать жизнь, здоровье, имущество и т.д. [5, с.192; 7, с.56]. Для этого в составе преступления, который предусматривает ответственность за терроризм (террористический акт), устрашение населения и оказание воздействия на принятие решений должны предусматриваться не как альтернативные, а как конструктивные, связующие, цементирующие признаки состава, поскольку без устрашения населения и оказания воздействия на соответствующий адресат терроризма быть не может. И в качестве позитивного примера в этом плане может быть конструкция диспозиции ст.205 УК Российской Федерации, в которой признаки террористического акта определены следующим образом: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

То есть в составе террористического акта, который имеет место в ст.205 УК Российской Федерации, такие признаки состава как устрашение населения и оказание воздействия на принятие решения органами власти или меж-

дународными организациями предусмотрены не в качестве альтернативных, а в качестве обязательных, взаимосвязанных, взаимообусловленных признаков состава. Исходя из конструкции ст.205 УК Российской Федерации, можно сделать вывод, что основным объектом тут признается общественная безопасность, дополнительным обязательным – деятельность органов власти или международных организаций, дополнительным факультативным – жизнь, здоровье, имущество и т.д. Такая конструкция состава представляется в принципе абсолютно правильной, научно обоснованной, отражающей научные разработки относительно сущности и признаков терроризма, и может служить определенным ориентиром при совершенствовании антитеррористического законодательства в других государствах.

В то же время не следует упускать из виду тот технический прием перемены местами признаков фактически основного и дополнительного объектов, который законодатель в данном случае применил в порядке исключения, а также тот факт, что в ряде государств уголовные кодексы вообще не относят состав терроризма (террористического акта) к преступлениям против общественной безопасности, придавая тем самым данной сфере жизнедеятельности людей черты дополнительного, а не основного объекта.

В то же время не совсем удачными представляются и варианты включения состава терроризма (террористического акта) не в главу о преступлениях против общественной безопасности, а в какую-то другую, поскольку в тех случаях, когда этот состав находится в главе УК, содержащей составы преступлений против государства или против мира и безопасности человечества, то за основу принимаются не наиболее типичные случаи актов терроризма, а напротив – наиболее тяжкие формы его проявления, в результате чего искажается характер и искусственно завышается степень общественной опасности тех актов терроризма, которые в действительности не были направлены ни против основ государст-

венности, ни против международного правопорядка. Поэтому следует признать наиболее удачным размещение состава терроризма (террористического акта) среди составов, предусматривающих ответственность за преступление против общественной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б. С. Никифоров. – М. : Госюриздат, 1960. – 230 с.
2. Петрищев В. Е. Правовые и социально-политические проблемы борьбы с терроризмом / В. Е. Петрищев // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 88–93.

3. Антипенко В. Поняття тероризму (кримінально-правове визначення) / В. Антипенко // Право України. – 1999. – № 2. – С. 92–95.

4. Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность / Н. И. Панов. – Харьков : Вища шк., 1982. – 160 с.

5. Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование / В. П. Емельянов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 291 с.

6. Дурманов Н. Д. Понятие преступления / Н. Д. Дурманов. – М. ; Л. : АН СССР, 1948. – 316 с.

7. Иманлы М. Н. Объективные признаки терроризма / М. Н. Иманлы // Следователь. – 2009. – № 1. – С. 56–61.

Емельянов В. П. Объекты преступления и состава преступления при совершении террористических действий / В. П. Емельянов, М. Н. Иманлы // Форум права. – 2011. – № 4. – С. 247–252 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2011-4/11evrctd.pdf>

Рассмотрены объекты преступлений при совершении террористических деяний как многообъектных и многоуровневых преступлений, представлена авторская позиция относительно основного и дополнительных объектов террористического акта.

Емельянов В.П., Иманли М.Н. Об'єкти злочину та складу злочину при здійсненні терористичних дій

Розглянуті об'єкти злочинів при здійсненні терористичних діянь як багатооб'єктних і багаторівневих злочинів, надана авторська позиція щодо основного та додаткових об'єктів терористичного акту.

Yemelyanov V.P., Imanly M.N. Objects of a Crime and Actus Reus at Fulfillment of Terrorist Activities

Objects of crimes are considered at fulfillment of terrorist acts as multiple-object and multi-level crimes, the authoring stand concerning the core and additional objects of terrorist act is introduced.